

Цао Е немного поиграл с сяо-сяо Бай, затем встал и прошёлся по дому.

Три спальни на первом этаже, похоже, не использовались. Они были такими же чистыми и простыми, как номера в отеле, и смотреть там было особо не на что. А вот кабинет выглядел довольно обжитым. Пол был покрыт длинноворсовым ковром серого цвета. Цао Е снял обувь и вошёл. Сяо-сяо Бай, которая всё это время следовала за ним по пятам, тоже вошла туда.

Цао Е остановился перед книжными полками и стал рассматривать книги. Разнообразные издания были аккуратно расставлены по категориям: книги об актёрском мастерстве занимали одну полку, книги о режиссуре и сценаристике — другую.

Цао Е вспомнил единственный фильм Лян Сычжэ «Сны о любви и судьбе». Хотя кассовые сборы и отзывы были не самыми лучшими, судя по всему, это был не просто развлекательный проект.

На верхних полках книги были более разнообразными: психология, социология, эссе... Всего понемногу. Цао Е даже мельком увидел коллекционное издание «Цзинь, Пинь, Мэй»... [1] Надо же, какие разносторонние интересы.

[1] «Цзинь, Пинь, Мэй» (金瓶梅) — классический китайский роман, написанный в конце эпохи династии Мин (примерно в 1610 году). «Цветы сливы в золотой вазе». Автор романа неизвестен, хотя его часто приписывают Ланьлинскому насмешнику. Название романа образовано от имён трёх главных женских персонажей: Пан Цзиньянь (潘 — золото), Ли Пиньэр (瓶 — ваза) и Пан Чунмэй (梅 — слива). Роман известен своим откровенным изображением сексуальности и упадка нравов в китайском обществе того времени. Он рассказывает историю Симынь Цина, богатого и развратного торговца, и его отношений с многочисленными жёнами и наложницами. Хотя в романе присутствуют элементы эротики, он также считается важным произведением литературы, затрагивающим темы социальной сатиры, семейных отношений, кармы и последствий разврата. Из-за своей откровенности «Цзинь, Пинь, Мэй» был запрещён в Китае на протяжении многих веков, хотя и продолжал распространяться в подпольных изданиях. В настоящее время роман считается одним из четырёх классических романов китайской литературы эпохи Мин, наряду с «Троецарствием», «Речными заставами» и «Путешествием на Запад», хотя его статус и признание всё ещё вызывают споры.

«Должно быть, у Лян Сычжэ довольно простая жизнь, — подумал Цао Е. Если бы он действительно был завсегдатаем ночных клубов, как писали в СМИ, у него не было бы времени

читать столько книг в перерывах между съёмками. Впрочем, это было логично. Когда-то он был юным скрипачом, ничего не смыслившим в актёрском мастерстве и боявшимся смотреть в камеру. Но всего за несколько лет он достиг высот, недоступных его сверстникам. Разве это можно было объяснить только талантом и удачей?»

Взгляд Цао Е упал на застеклённую часть в левом нижнем углу книжного шкафа. Там стояли награды и дипломы Лян Сычжэ. Расставлены они были, казалось, в произвольном порядке. «Золотая пальмовая ветвь», самая престижная и недавно полученная награда, стояла в глубине, а статуэтка Гонконгской кинопремии за роль сяо Маня, полученная много лет назад, — на самом краю.

Цао Е смотрел на «Золотую пальмовую ветвь». Самый молодой обладатель этой награды в стране. Как бы ни превозносили его СМИ, ничто не могло сравниться с впечатлением от увиденной своими глазами статуэтки.

Хотя когда-то из-за «Реки Ванчуань» их пути с Лян Сычжэ разошлись, сейчас Цао Е не мог не признать, что принятое тогда Лян Сычжэ решение было безупречным. В двадцать три года ему следовало сотрудничать с Цао Сююанем и с лёгкостью достичь вершины своей карьеры, а не действовать импульсивно, встав на одну сторону с никому не известным юнцом.

Ладно, зачем ему снова об этом вспоминать?

Цао Е отвел взгляд, наклонился и погладил сяо-сяо Бай по голове:

— Мне пора идти давать показания. Я ещё приеду к тебе.

«Чёрт, я опять разговариваю с собакой», — подумал он. Когда находишься с собакой наедине, трудно удержаться. Он не верил, что Лян Сычжэ никогда с ней не разговаривал.

Выйдя из кабинета, Цао Е посмотрел на второй этаж. Дверь спальни была приоткрыта. Наверное, Лян Сычжэ уже заснул.

«И к тебе тоже я приеду снова», — подумал Цао Е, взял с журнального столика ключи от машины и вышел из дома.

Сяо-сяо Бай вышла за ним. Цао Е наклонился к ней:

— Не хочешь, чтобы я уходил? Тогда пойдём со мной.

Сяо-сяо Бай, словно поняв его слова, отступила назад.

«Какая преданная», — улыбнулся Цао Е и закрыл дверь.

Сев в машину, он взял телефон и полистал Weibo.

Раньше он редко следил за общественным мнением сам, считая это неэффективным, и обычно Чэн Дуань готовил для него выжимки из статей. Но сегодня он не мог удержаться и постоянно обновлял ленту.

После того как Лян Сычжэ появился на публике с сяо-сяо Бай, ситуация в сети немного успокоилась. Хотя обсуждение этой темы всё ещё было активным, комментарии уже не были такими однобокими и негативными, как раньше.

«Где все те, кто говорил, что Лян Сычжэ принимал наркотики? Идите сюда, получите по заслугам».

«Лян Сычжэ не выглядит как наркоман. Обычный человек после бессонной ночи выглядел бы гораздо хуже. Лян Сычжэ даже при съёмке скрытой камерой такой красивый, как он мог принимать наркотики...»

«В 28-летнем Лян Сычжэ есть что-то юношеское... Помню, после награждения за роль в «Тринадцати днях» его сфотографировали с собакой на прогулке. Кажется, это та же самая собака. Он столько лет держит у себя дворнягу, мне вдруг подумалось, что кинозвезда Лян, похоже, весьма постоянен в своих чувствах...»

«Жаль, что Лян Сычжэ предан только собаке. С женщинами у него всё не так однозначно».

«Все эти разговоры про наркотики — это, наверное, пиар-ход Лян Сычжэ и кинокомпании. Сколько уже горячих тем про Лян Сычжэ и фильм появилось с тех пор, как его сфотографировали? Это беспроектный вариант».

«То, что он появился на публике, говорит лишь о том, что вчера вечером он не принимал наркотики. Но как быть с тем, что его забрала полиция, и с тем, что он тусовщик? Я всё ещё считаю, что Лян Сычжэ не полностью чист, просто ему повезло, и его не поймали. Посмотрим, что будет дальше».

—

Цао Е стало скучно. Он выключил экран и бросил телефон на пассажирское сиденье.

Дав показания в полиции, Цао Е поехал обратно в Luomeng. Он два дня не появлялся в компании, и на его столе выросла гора договоров, которые нужно было подписать.

Чэн Дуань пришёл к нему в кабинет, сел напротив и спросил:

— Съездил к Лян Сычжэ?

Цао Е просматривал договоры, не поднимая головы:

— Съездил.

— Разве у тебя был его адрес?

— А как же твои гениальные стратегии, военный советник Чэн? Я спросил у него в WeChat.

— Я так и знал, что ты не вытерпишь, — усмехнулся Чэн Дуань. — Как там Лян Сычжэ?

— Нормально. Вроде его ничего не беспокоит. Когда я уходил, он уже спал. — Подписав ещё один финансовый отчёт, он продолжил листать документы.

— Ты ушёл, когда он спал? — Чэн Дуань был удивлён. — У него дома, наверное, полно коммерческих тайн, а он спокойно оставил тебя одного. Теперь я точно верю, что у вас были отношения.

— Ты проделал весь этот путь ко мне, чтобы посплетничать? — Цао Е, наконец, подписал все договоры и поднял на него взгляд.

— Нет, конечно. — Чэн Дуань положил перед ним список актёров. — Вот, по делу. Два оставшихся героя «Попробуй сказать ещё раз» — это а-Пэн и маленький мальчик. Мальчика завтра будут прослушивать в студии, а кого, по-твоему, лучше взять на роль а-Пэна?

Цао Е взял список выбранных актёров и просмотрел его от начала до конца. Затем его взгляд остановился на слове «главная мужская роль» и он на мгновение задумался.

Роль а-Пэна была довольно необычной. Он был отчаянным бойцом подпольного бойцовского клуба, хулиганом, бандитом, в общем, не самым хорошим человеком. Однажды к нему пришел семилетний мальчик сяо Мэн и назвал его папой, утверждая, что он его сын, которого а-Пэн бросил семь лет назад.

А-Пэн пил, курил, играл в азартные игры и был по уши в долгах. У него не было денег даже на тест ДНК. Но сяо Мэн не хотел отставать от него, как тот его ни пугал, и твердил, что он его отец и не может его бросить.

А-Пэн разозлился и принял участие в боксёрском поединке, выиграв несколько тысяч юаней. Он потащил сяо Мэна в больницу, чтобы сделать тест ДНК. Результат показал, что сяо Мэн не его сын, но также выяснилось, что у мальчика лимфобластный лейкоз.

У а-Пэна не было денег на лечение сяо Мэна. Отчаявшись, он рассказал мальчику правду, накричал на него и оставил у входа в больницу. Сяо Мэн за ним не побежал. А-Пэн отошёл на несколько сотен метров, но вернулся и увидел, что сяо Мэн сидит на земле и горько плачет. А-Пэн снова накричал на него:

— Ты что, дурак? Неужели ты не понял, что я тебя обманул?

С тех пор а-Пэн приютил сяо Мэна, водил его к врачам, отправил в школу и учил боксировать. Когда а-Пэн отчаянно дрался на ринге, чтобы заработать деньги, сяо Мэн рыдал внизу, боясь, что а-Пэна убьют.

В конце концов сяо Мэн умер. Перед смертью он, плача, попросил прощения и сказал а-Пэну, что с самого начала знал, что тот не его отец. Но его мама перед тем, как бросить его, сказала, что красивые люди добрые. Сяо Мэн решил, что а-Пэн был самым красивым из всех бойцов на подпольном ринге, и поэтому увязался за ним.

Этот сюжет нельзя было назвать особо новым, но сценарий был очень хорошо проработан. В нём были и смешные, и трогательные моменты, а также естественные диалоги, он держал хороший темп. По меркам современного кинорынка, это был качественный сценарий.

Персонаж а-Пэна был особенно ярким: молодой отец, ветреный повеса, отчаянный боец подпольного ринга, грубый, но в то же время мягкосердечный. Это был очень многогранный герой. Уже по сценарию было видно, что если роль будет хорошо сыграна, то вызовет бурю обсуждений.

Поэтому уже несколько актёров сами проявили интерес к роли а-Пэна.

Кто же подойдёт на эту роль? Нужен молодой, спортивный, красивый актёр, способный передать жёсткость и дерзость персонажа...

В голове Цао Е возник образ а-Пэна: короткие волосы, собранные сзади, чёрная майка, мускулистые руки, слегка пошатывающаяся после выпивки походка, пока он идёт по тёмному переулку... Чёрт, Лян Сычжэ. Причём одновременно и восемнадцатилетний, и двадцативосьмилетний Лян Сычжэ.

Как только этот образ сформировался в его голове, все остальные кандидаты показались ему неподходящими. Если подумать о Лян Сычжэ, то он подходил по всем параметрам.

Двадцативосьмилетний человек, играющий отца семилетнего мальчика — можно только представить какая интересная получится динамика.

С боевыми сценами тоже проблем не будет. В «Роковом выборе» он уже показал, что умеет быть жёстким. Красивый, немного грубоватый, но временами нежный.

Цао Е посмотрел на Чэн Дуаня:

— Распечатай мне проект и сценарий.

Чэн Дуань сразу понял, к чему он клонит:

— Ты хочешь предложить роль Лян Сычжэ?

— Он хорошо подходит, разве нет?

— Он действительно подходит, но ты в курсе, сколько у него предложений? Сун Кай, Юэ Кэци, Фань Цзэцюнь, Линь Минь... Все эти именитые режиссёры хотят пригласить его сниматься в своих фильмах в следующем году. И это только те, о которых я слышал. Наверняка есть и другие, менее известные режиссёры с хорошими сценариями...

— А почему бы не попробовать? Фильмы, снятые именитыми режиссёрами, не всегда становятся шедеврами. Забыл, что Линь Минь предлагал нам в прошлый раз? Скучнейший сценарий... Если не Лян Сычжэ, то кого ты предлагаешь?

— Я не собираюсь тебя отговаривать. Если сможешь его уговорить, я буду только рад, — усмехнулся Чэн Дуань.

Цао Е взял распечатанный проект и сценарий и поехал к Лян Сычжэ. Подъезжая к дому, он задумался: звонить ли ему в дверь или сразу использовать отпечаток пальца? Он решил использовать отпечаток — вдруг Лян Сычжэ ещё спит.

Остановившись у ворот виллы, Цао Е отстегнул ремень безопасности, взял телефон и уже хотел выйти, как вдруг телефон завибрировал. Он посмотрел на экран — всплыло уведомление.

«Цао Сююань начинает съёмки нового фильма. На главную роль рассматривается Лян Сычжэ».

Он замер. Цао Сююань возвращается.

«Как быстро пролетели эти пять лет», — подумал он.

Цао Е нажал на уведомление.

«Сегодня в семь вечера в аэропорту были замечены режиссёр Цао Сююань и продюсер Чжэн Инь. На вопрос о съёмках нового фильма Чжэн Инь с улыбкой ответил: «Мы вернулись именно по этому поводу». На вопрос о возможном сотрудничестве с Лян Сычжэ Чжэн Инь ответил, что

новый фильм ещё находится в стадии подготовки, и пока ничего не решено. По словам инсайдеров, Цао Сююань вернулся в страну, чтобы лично обсудить новый фильм с Лян Сычжэ...»

«Это пустая трата времени», — откинувшись на спинку сиденья, с самоиронией подумал Цао Е. Если Цао Сююань собирается пригласить Лян Сычжэ, то ему здесь нечего делать. Цао Е бросил телефон на пассажирское сиденье, завёл машину и поехал домой.

«Не вовремя пришло это уведомление. Если бы оно появилось на час раньше, мне не пришлось бы зря кататься. И Лян Сычжэ тоже... Цао Сююань и Чжэн Инь наверняка предупредили его о своём возвращении. Мы же все эти дни были вместе, а он ни словом не обмолвился».

Когда он почти доехал до дома, на экране высветился входящий звонок от Чжэн Иня. Судя по новостям, они приземлились в семь вечера, сейчас уже было больше девяти. Чжэн Инь всегда был осторожным — наверняка эти два часа он подбирал слова.

Цао Е не ответил на звонок. Он ожидал этого звонка и заранее решил, что не будет брать трубку. Звонок длился больше минуты, потом оборвался. Чжэн Инь больше не перезванивал. Наверное, понял, что Цао Е не собирается отвечать.

«Сегодня, похоже, мне не удастся уснуть. Поеду на Иньсы».

Цао Е припарковался у въезда на Иньсы. «Жар» в последнее время был закрыт, и вся улица выглядела безлюдной. «Утопия» закрыта, бар не работает, Хуан Ин, наверное, нет на месте.

Цао Е подошёл к бару и постучал в рольставни. Изнутри послышался звук. Там кто-то был. Это оказались студенты, которые монтировали фильм. Парень, открывший дверь, ничуть не удивился.

— Е-гэ, ты сегодня так рано пришёл спать?

— Как продвигается монтаж?

— Дин Мао переделывает уже третью версию. Наконец-то он всё разложил по полочкам. На этот раз должно получиться. Хочешь посмотреть?

— Покажете, когда черновой монтаж будет готов. Не буду ему мешать.

Он направился внутрь к небольшому кинозалу. Парень, открывший дверь, крикнул ему вслед:

— Спокойной ночи! Пусть твои сны будут безмятежны!

— Спасибо, — не оборачиваясь, ответил Цао Е и махнул рукой.

Он сел на первое попавшееся место, откинул спинку кресла и, не удержавшись, снова взял телефон и просмотрел комментарии. В интернете все с нетерпением ждали возможного сотрудничества Лян Сычжэ и Цао Сююаня. Обсуждение наркотиков отошло на второй план.

«Цао Сююань вернулся и сразу же связался с Лян Сычжэ. Это настоящая любовь!»

«В последние годы в Китае вышло так мало хороших фильмов. Только сотрудничество Цао Сююаня и Лян Сычжэ вселяет надежду».

«Внезапно я осознал, что после «Тринадцати дней» Цао Сююань больше не снимал новичков... А ведь раньше он их продвигал, но никогда не приглашал в свои фильмы дважды».

«Цао Сююань хотел взять новичка на главную роль в «Красного мужчину, красную женщину». Были даже статьи об этом. Но что-то не сложилось, и в итоге он снова выбрал Лян Сычжэ».

«Лян Сычжэ удивительный. Десять лет в кино, и ни одного провального фильма. Вот это умение выбирать!»

«У Лян Сычжэ был провальный фильм — «Зона карантина». Он был ужасен, но Лян Сычжэ разорвал контракт и ушёл из проекта. Тогда его все ругали за это, но сейчас, оглядываясь назад, это было самое разумное решение...»

«Если бы Лян Сычжэ снялся в «Зоне карантина», фильм не обязательно был бы таким плохим. Скорее, его уход погубил картину. Главный герой ушёл, и съёмочной группе пришлось увеличить экранное время главной героини. В итоге получился провальный фильм. Актёрские способности Лян Сычжэ бесспорны, но пытаться обелить его прошлые ошибки — это уже слишком».

Цао Е долго смотрел на комментарии о «Зоне карантина», а потом закрыл глаза. Прошло столько лет, а Лян Сычжэ всё ещё расплачивается за его ошибки.

Странно, после того как он уехал с улицы Иньсы, они почти не общались, но, если задуматься, их всё равно связывает множество невидимых нитей, которые невозможно ни отрезать, ни распутать.

Почему он тогда злился на Лян Сычжэ? Столько лет прошло... Он злился, а Лян Сычжэ даже не подозревал об этом. Мысли роились в его голове. Он будто снова стоял перед той приоткрытой дверью.

Он слышал, как Чжэн Инь дрожащим голосом позвал: «Юань-гэ». В его голосе была какая-то боль, но не совсем обычная боль. В тот момент он всё понял. Он подошёл к двери и, с силой распахнув её, холодно посмотрел на два сплетённых тела.

Цао Сююань накрыл их обнажённые тела одеялом и швырнул в него ремнём:

— Вон!

В тот момент Цао Е отвернулся. Ремень со свистом ударил сквозь тонкую ткань по худой спине юноши. Потом Цао Е думал, что он и не пытался увернуться от ремня. Просто при виде этих двух сплетённых тел его затошнило. Ремень упал на пол. Он бросился в ванную и склонился над унитазом, давясь рвотными позывами.

Цао Е резко открыл глаза.

Ему снова приснилась эта сцена. Тошнота и чувство тяжести в груди были как настоящие. «Эти двое — как две течные собаки, готовые спариваться где угодно», — подумал он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130277>